

Лукашевич Клавдия Владимировна

**Школьный праздник в память Николая
Васильевича Гоголя 1809-1909 гг**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Школьный праздник в память Николая Васильевича Гоголя 1809-1909 гг / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 154 с.

ISBN 978-5-519-94020-7

ISBN 978-5-519-94020-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Николай Васильевичъ Гоголь.

(Краткая біографія).

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1809 году 19 марта, родился Николай Васильевичъ Гоголь. Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ скончался и похороненъ въ Даниловскомъ монастырѣ.

Но бессмертный Гоголь не умеръ. Онъ живъ и будетъ жить долго - долго, пока живъ будетъ русскій народъ и пока на землѣ будетъ существовать любовь ко всему прекрасному: къ правдѣ, къ добру и ко всему свѣтлому нашей родины.

Гоголь живетъ между нами въ своихъ великихъ, бессмертныхъ произведеніяхъ. Мы должны ихъ изучать съ дѣтства, знать и любить. Не полюбить, не понять ихъ невозможно. Нашъ великій писатель такъ просто, правдиво, безъ всякихъ прикрасъ описываетъ жизнь, описываетъ злое и доброе, открываетъ душу человѣка. Онъ горячо любитъ русскій народъ, желаетъ ему блага, беззавѣтно любитъ родину и отдаетъ для ея блага всю свою жизнь, всѣ силы. Въ своихъ произведеніяхъ онъ учитъ и людей правдѣ, добру, справедливости и желаетъ вдохнуть ту же горячую любовь къ родинѣ, которую испытывалъ самъ.

Читая его великія, бессмертныя произведенія, мы не можемъ не возмущаться неправдою и зломъ на землѣ, которые онъ такъ ярко и безпощадно открываетъ и осмѣиваетъ; мы наслаждаемся красотою

Николай Васильевичъ Гоголь
въ юности.

родной природы, которую онъ такъ дивно, такъ мастерски описываетъ; мы сострадаемъ всѣмъ тѣмъ маленькимъ обиженнымъ людямъ, которымъ сострадалъ и жалѣлъ нашъ великій писатель; мы смѣемся его смѣхомъ—то добродушнымъ, то ѣдкимъ и беспощаднымъ.

Если то, чему учать насъ великіе учителя-писатели, западетъ въ душу свѣтлыми искрами и мы хотя отчасти перенесемъ этотъ свѣтъ въ жизнь — это будетъ лучшая дань и благодарность великимъ геніямъ, какую они только могутъ горячо желать на землѣ.

Николай Васильевичъ Гоголь родился въ Малороссіи, въ Полтавской губ., Миргородскаго уѣзда, и прожилъ все дѣтство въ родовомъ помѣстьѣ Васильевкѣ.

Отецъ его Василій Аѳанасьевичъ былъ небогатый помѣщикъ. Это былъ человѣкъ хорошій, умный, способный. Сосѣди его любили и уважали.

Василій Аѳанасьевичъ не только занимался хозяйствомъ, но и выписывалъ книги и журналы, любилъ почитать и побесѣдовать и даже самъ писалъ, сочинялъ комедіи для домашнихъ спектаклей.

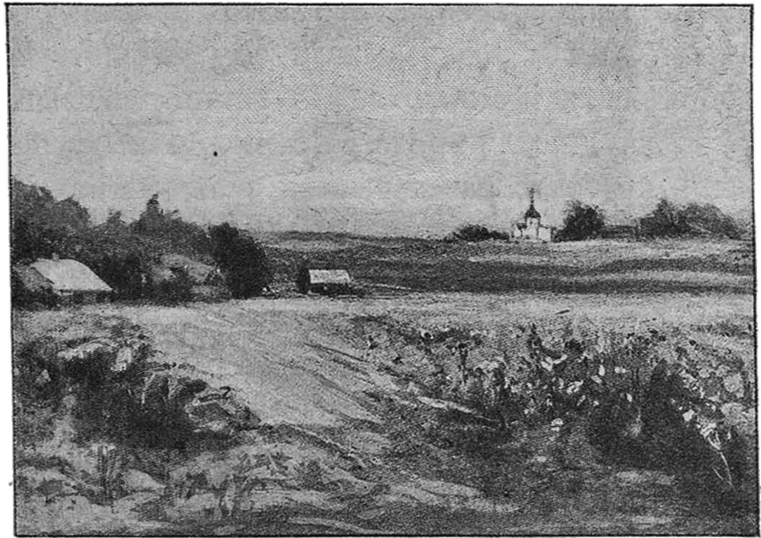

Марія Ивановна,
мать Гоголя.

Мать Гоголя—Марія Ивановна—была худенькая привлекательная и необыкновенно нѣжная женщина, очень мечтательная и религіозная. Что бы ни случилось, все въ жизни Марія Ивановна приписывала особому попеченію Божію о ней и объ ея близкихъ. Она простодушно вѣрила разнымъ примѣтамъ, предчувствіямъ, предзнаменованіямъ.

Жили родители Гоголя душа въ душу. Марія Ивановна горячо любила своего мужа и изо всѣхъ силъ старалась угодить ему, чтобы ему жилось счастливо, хорошо. Она была самой любящей, нѣжной матерью, отличной, домовитой хозяйкой, съ друзьями и знакомыми мужа была привѣтлива, съ прислугой добра и жалостлива къ бѣднымъ.

Небольшой, но помѣстительный деревенскій домикъ съ затѣйливыми зубцами, вдоль крыши, съ башенками и остроконечными окнами былъ привѣтливъ и уютенъ, кругомъ него разросся славный старый тѣнистый садъ; за садомъ на холмѣ виднѣлась бѣлая церковь, а у подножія — село съ бѣлыми хатами и съ вишневыми садами.

Село Васильевка; видъ съ Полтавской дороги.

Въ этой тихой, деревенской глуши родился будущій великій писатель. Это былъ вымоленный, желанный ребенокъ.

Николай Васильевичъ родился хилымъ и слабымъ. Это было наслѣдство родителей: отецъ его всю жизнь болѣлъ и рано умеръ. Мать была очень молода, болѣзненно нервная и не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ.

Отецъ и мать обожали своего „Никошу“. Съ колыбели они окружили его нѣжными заботами и берегли, какъ зѣницу ока. Любили и баловали паныча и всѣ окружающіе. И росъ мальчикъ на деревенскомъ просторѣ, окруженный любовью и заботами всѣхъ. Но жизнь, главная воспитательница, положила на него, какъ на мягкій воскъ, неизгладимую печать: все, что онъ видѣлъ, слышалъ, наблюдалъ въ дѣтствѣ,— все отразилось на чуткомъ ребенкѣ.

Старикъ-дѣдъ, да и отецъ частенько любили вспоминать въ семейномъ кругу про старину. Родъ ихъ велся отъ запорожскихъ казаковъ. Маленькій Николай, затаивъ дыханіе, съ блестящими глазенками слушалъ про казацкую удалъ запорожскихъ атамановъ, про кровавыя битвы, про молодецкіе подвиги. А послѣ все это повѣдалъ въ своихъ дивныхъ разсказахъ родному народу.

Родная Украина напѣвала мальчику свои грустныя, заунывныя пѣсни. Хохлы рассказывали ему смѣшныя исторіи и сказки про чертей, про вѣдьмъ и много добродушно смѣялись.

А чудная природа Украины, эта лучшая открытая книга волшебныхъ красотъ, рассказывала сказки жизни.

Набожная, горячо любящая мать учила своего „Никошу“ и усердно молиться Богу дома, и въ церковь ходить, и свѣчки Богу ставить, и гроши нищимъ подавать, и всѣ обряды христіанскіе, всѣ посты строго, неуклонно исполнять.

Въ долгіе зимніе вечера маленькій Николай больше всего любилъ слушать рассказы матери про божественное, про подвиги святыхъ, про рай и адъ.

— Какъ же надо жить, чтобы попасть въ рай? — спрашивалъ ребенокъ, устремивъ на мать пытливый взглядъ живыхъ ясныхъ глазъ.

— Надо быть добрымъ, правдивымъ. Надо слушаться Господа Бога и не забывать Его: надо молиться Богу, ходить въ церковь... Не надо ни въ чемъ грѣшить. Если будешь жить по Божьему повелѣнію, то Господь наградитъ тебя счастьемъ въ этой жизни на землѣ, а на томъ свѣтѣ попадешь въ рай небесный.

— А если я согрѣшу, то куда попаду? — спрашивалъ задумчиво ребенокъ.

— За грѣхи Богъ счастье у тебя отниметъ. И ты пойдешь въ адъ къ дьяволамъ на вѣчную муку-мученскую.

— А что же будетъ въ раю, и какъ будутъ мучиться грѣшники въ аду? — снова допытывается любознательный мальчикъ.

И мать простодушно рассказывала ребенку, какъ она вѣритъ сама въ счастливую райскую жизнь и въ вѣчныя муки ада.

„Праведные, безгрѣшные люди будутъ жить на томъ свѣтѣ въ раю, въ такомъ прекрасномъ саду. И не будетъ у праведниковъ ни трудовъ, ни заботъ, ни горя, — однѣ только вѣчныя радости, вѣчное счастье. И души ихъ будутъ около Господа Бога пребывать вѣчно, вѣчно въ блаженствѣ. А души грѣшниковъ вмѣстѣ съ дьяволами будутъ горѣть въ аду въ неугасимомъ огнѣ и мучиться всевозможными муками. Тотъ неугасимый огонь будетъ разгораться все сильнѣе и страшнѣе и грѣшниковъ будетъ мучить вѣчная жажда. Но на тѣхъ

грѣшниковъ и капли росы никто не уронить, ни вѣтеръ не пахнетъ, ни утѣшенія ниоткуда не явится“.

Страшно и жутко бывало впечатлительному мальчику слушать подобные рассказы. Онъ никогда не могъ забыть ихъ. И, уже будучи взрослымъ, говаривалъ: „Страхъ этотъ я помню даже теперь. Жаль только, что маменька мало говорила мнѣ о христіанской любви и милосердіи. И не открыла мнѣ во всей полнотѣ вѣру Христову, а учила лишь однимъ обрядамъ“.

Такъ подрасталъ даровитый ребенокъ въ родной семьѣ: за всѣмъ наблюдалъ, все запоминалъ, все подмѣчалъ. Онъ съ дѣтства любилъ слѣдить за сельскими работами, за хозяйственными хлопотами матери, за ея приготовленіями разныхъ вареній, соленій, наливокъ. Уже будучи взрослымъ, Гоголь всегда говорилъ и писалъ, что „деревенское хозяйство онъ ставитъ выше всего“. Самъ онъ всю жизнь мечталъ уѣхать въ деревню и хозяйничать. Сдѣлать этого не могъ: писательская дѣятельность мѣшала. Но до конца своей жизни онъ всегда говорилъ, „что дѣятельность умнаго, благороднаго помѣщика выше всякой службы. Въ деревнѣ можно сдѣлать много добра — надо только войти въ бытъ мужика, узнать его нужды, изучить его душу, слѣдить за его работами. Лучшаго счастья, какъ жить и управляться въ своей деревнѣ, не можетъ желать человѣкъ“.

Гоголь очень любилъ свою деревню, деревенскіе порядки, но особенно самихъ деревенскихъ людей, часто наивныхъ и смѣшныхъ.

Отецъ его, Василій Аѳанасьевичъ, любилъ пошутить и посмѣяться надъ людскою глупостью. Даже добродушная мечтательная Марья Ивановна обнаруживала часто ту же склонность къ кроткой незлобивой насмѣшкѣ. Это вообще свойственно малороссамъ. Они большіе мастера серьезно, остро рассказать забавное происшествіе, мѣтко изобразить смѣшную черту въ характерѣ человѣка. У гениальнаго сына эта родительская способность проявилась особенно ярко, блестяще, неподражаемо.

Молодой Гоголь могъ мгновенно схватить какую-либо странность въ первомъ встрѣчномъ, уловить особенность его рѣчи, манеръ и передразнивалъ онъ такъ живо, остроумно, сходно, что каждый узнавалъ подлинникъ.

Дѣло не обходилось безъ обидъ и огорченій. Земляки Гололя обижались. Въ Полтавской губ., особенно же въ Миргородскомъ уѣздѣ всѣ говорили, „что сынокъ у Василя Аѳанасьевича, и Маріи Ивановны, можетъ-быть, и умный и острый малый, но непріятный, безпокойный и неуважительный къ почтеннымъ людямъ — всѣхъ поднимаетъ на смѣхъ“.

А геніальный юноша въ это время складывалъ въ своемъ умѣ уже и ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и тетушку со Шпонькой, и жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ и другія свои великія произведенія.

Все подглядѣлъ вдумчивый дѣтскій глазъ, подслушало внимательное чуткое дѣтское ухо ребенка. А въ послѣдствіи въ своихъ произведеніяхъ все записалъ Гоголь: въ „Тарасѣ Бульбѣ“ слышались рассказы дѣда, въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ вывелъ онъ свою мать съ ея хозяйствомъ и своего дѣда и домика, который онъ видѣлъ и гдѣ онъ бывалъ.

Недалеко отъ Васильевки, въ селѣ Кибинцахъ жилъ въ то время богатый помѣщикъ Д. П. Трошинскій. Отставной министръ, важный вельможа, онъ устроился въ своемъ деревенскомъ уединеніи очень широко, богато и весело. Домъ его былъ полонъ приживалокъ, бѣдныхъ родственниковъ, шутовъ, прислуги. Онъ задавалъ часто богатые пиры, праздники и устроилъ дома домашній театръ. Трошинскій очень любилъ семью Гоголей, особенно Василя Аѳанасьевича: онъ цѣнилъ его веселый нравъ, оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова. Кромѣ того, Василій Аѳанасьевичъ былъ большой театралъ, принималъ живое участіе во всѣхъ празднествахъ своего сосѣда и даже написалъ для его театра двѣ смѣшныя малороссійскія пьесы, въ которыхъ самъ игралъ. Маленькій Николай, конечно, бывалъ на этихъ спектакляхъ, видѣлъ совсѣмъ иную жизнь чѣмъ дома и все подмѣчалъ.

Ученіе маленькаго Гоголя началось очень рано. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ самъ выучилъ буквы по игрушечнымъ кубикамъ и бѣгло читалъ и писалъ слова. Учиться серьезно онъ началъ семи лѣтъ у учителя семинариста. Затѣмъ девяти лѣтъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ отецъ отвезъ его въ Полтаву и помѣстилъ у одного изъ учителей для приготовленія въ мѣстную гимназію. Иванъ

вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Родителямъ было жаль „Николеньку“, сильно скучавшаго по братѣ, и они взяли его домой.

Въ это время въ гор. Нѣжинѣ открылась „гимназія высшихъ наукъ“ или лицей князя Безбородко и въ началѣ 1821 г. Василій Аѳанасьевичъ помѣстилъ туда сына.

Когда Гоголя привезли въ лицей, это былъ худенькій, болѣзненный двѣнадцатилѣтній мальчикъ; лицо его поражало прозрачною блѣдностью, и онъ постоянно зябъ. Тихій новичокъ дичился своихъ товарищей, молчалъ и не хотѣлъ принимать участія въ ихъ играхъ.

Подобныхъ товарищей обыкновенно не любятъ школьники. Маленькій Гоголь долгое время былъ предметомъ насмѣшекъ и обидъ и жертвою разныхъ продѣлокъ новыхъ товарищей. Сначала онъ терпѣлъ молча. Чтобы „Никошѣ“ не такъ было жутко среди чужихъ, родители отправили съ нимъ крѣпостного лакея Симона. Этотъ лакей долженъ былъ исполнять роль слуги въ лицей, но главнымъ образомъ ухаживать и беречь „барчука“.

Лицей кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

Первое время Николай такъ скучалъ по семьѣ, по родному дому, что мѣста себѣ не находилъ. Особенно тоска мальчика усиливалась по вечерамъ, когда онъ ложился въ постель. Зарывшись въ подушки, онъ горько плакалъ. Симонъ уговаривалъ, утѣшалъ, ласкалъ своего барчука и проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи.

Мало-по-малу мальчикъ привыкъ къ школьной жизни, пересталъ чуждаться товарищей, съ нѣкоторыми сблизился, на насмѣшки другихъ отвѣчалъ такими ѣдкими и мѣткими сарказмами, что насмѣшники прикусили язычокъ. Они стали побаиваться его остроумныхъ насмѣшливыхъ прозвищъ.

Одного лицеиста, особенно часто нападавшего на него, за коротко остриженные волосы онъ прозвалъ „разстрига Спиридонъ“. И вечеромъ въ день его именинъ онъ устроилъ въ залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія. На этомъ транспарантѣ былъ изображенъ чортъ, стригущій дервиша, а подъ рисункомъ былъ написанъ очень ядовитый насмѣшливый акrostихъ на имя „Спиридонъ“.

Лицей въ то время былъ организованъ очень плохо; учителей было мало и между ними мало было знающихъ и опытныхъ. Ученики не любили своей школы, занятій и учителей. Ни дисциплины, ни порядка, ни прочныхъ, интересныхъ знаній школа не давала.

Гоголь, тихій и слабый отъ природы, не принималъ участія въ шумныхъ играхъ и сходкахъ товарищей. Съ книгой въ рукахъ онъ бродилъ по огромному лицейскому саду, забирался въ укромный уголокъ и думалъ и читалъ въ уединеніи.

Прилежаніемъ Николай Гоголь не отличался; но у него была хорошая память и быстрая смекалка и живой, острый языкъ. Понахватаетъ онъ, бывало, кое-что налету со словъ учителя и бойко отвѣтитъ урокъ, а передъ экзаменами засядетъ вплотную и кое-какъ перейдетъ въ другой классъ.

Зато подшутить надъ товарищами, особенно же надъ учителями, высмѣять, передразнить, наградить мѣткимъ смѣшнымъ прозвищемъ—на это Гоголь былъ первый зачинщикъ.

Зорко проникая въ души другихъ, мальчикъ былъ скрытенъ и никому не открывалъ своей души. Очень часто онъ даже о самыхъ простыхъ вещахъ говорилъ не просто таинственно, облакая свои мысли подъ видомъ шутокъ, балагурства.

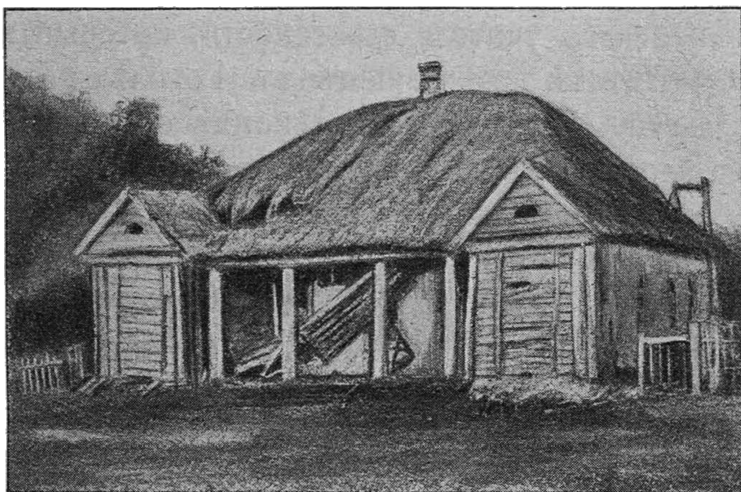
Проницательныя дѣти живо это подмѣтили, и ихъ новый товарищъ получилъ названіе „Таинственный Карла“, которымъ Гоголя всегда называли въ лицей.

Ни учителя ни товарищи не считали Гоголя талантливымъ многообщавшимъ мальчикомъ. Никто не понималъ его тонкой наблюдательности, его остраго юмора, часто переходившаго въ сарказмъ. Учителя считали его лѣнтяемъ, неряхой, шуткомъ, способнымъ только передразнивать всѣхъ и дурить.

Изъ общей массы школьниковъ, Гоголь не нашелъ себѣ истиннаго друга, но болѣе другихъ онъ сошелся съ Высоцкимъ, Данилевскимъ и Прокоповичемъ. Имъ онъ иногда повѣрялъ свои дѣтскія затѣи и свои юношескія мечты и думы.

Свыкшись съ лицейскою жизнью, войдя въ ея интересы, Гоголь не переставалъ рваться душой домой, въ кругъ семьи, въ свою родную Васильевку. Тамъ его всегда радостно ждали горячо любящіе отецъ, мать и три маленькихъ сестры. Тамъ его ждало баловство, ласка и угощенія вкусными домашними лакомствами. Онъ писалъ родителямъ много и часто, особенно послѣ каникулъ и такъ трогательны и грустны были его письма:

„Ахъ, дражайшіе родители, какъ бы я желалъ, чтобы вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали объ участи своего сына! О, если бы, дражайшіе родители, пріѣхали вы въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ... Тогда бы вы услышали, что дѣ-

Флигель въ д. Васильевкѣ, гдѣ жилъ Гоголь. (Видъ отъ вѣзза).

лается со мной. Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день слезы льются рѣкой и самъ не знаю отчего... А особливо, когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ сдѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! Далѣе слезы мнѣ мѣшаютъ писать“.

Поѣздки въ деревню на каникулы были для мальчика самымъ дорогимъ, радостнымъ праздникомъ. Обыкновенно за нимъ присылали большой, помѣстительный экипажъ, дормезъ, снабжали разною провизіею и счастливаго, радостнаго везли домой въ родную деревню.

Постепенно всѣ лицеисты раздѣлились на двѣ партіи: къ одной примкнули всѣ занимающіеся шалостями и кутежами, къ другой—тѣ,

кто стремился наполнить свое свободное время чѣмъ-нибудь полезнымъ, разумнымъ, хорошимъ. Ко второй партіи примкнулъ и Гоголь.

Съ самаго ранняго дѣтства въ талантливомъ мальчикѣ проявилась большая охота къ чтенію, писанію и къ рисованію. Дома у отца и у сосѣда Трощинскаго онъ перечиталъ всѣ книги, какія только нашлись. А въ гимназій онъ зачитывался произведеніями Жуковскаго и особенно Пушкина. Пушкина онъ обожалъ, переписывалъ каждое его новое стихотвореніе, украшалъ собственными рисунками и выучивалъ наизусть. Передъ Пушкинымъ Гоголь благоговѣлъ, какъ передъ святыней, изъ-за него онъ горячо спорилъ съ товарищами и не любилъ и зло осмѣивалъ лицейскаго учителя словесности, который не признавалъ Пушкина.

Вмѣстѣ съ чтеніемъ въ Гоголѣ развилась и страсть къ писательству. Чаше всего въ своихъ сочиненіяхъ онъ осмѣивалъ то, что казалось ему смѣшнымъ, и подражалъ другимъ писателямъ, иногда сочинялъ что-нибудь свое собственное.

Въ лицѣ онъ затѣялъ издавать свой собственный журналъ и назвалъ его „Звѣзда“. Журналъ этотъ былъ рукописный. Гоголь нарисовалъ для него обложку, писалъ стихи, театральныя пьесы, статьи. Онъ все дѣлалъ секретно и ночи просиживалъ надъ своей работой. Затѣмъ вдругъ неожиданно приносилъ свой журналъ и читалъ товарищамъ. Лицеисты были въ восторгѣ, слушали, затаивъ дыханіе, восхищались и осыпали автора похвалами. Въ одномъ изъ номеровъ своего журнала Гоголь написалъ большую сатиру „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ“. Въ этомъ сочиненіи онъ мѣтко осмѣялъ слабости и недостатки нѣжинскихъ жителей. Въ этой сатирѣ юноша уже ближе всего подошелъ къ своему истинному дарованію. Вернувшись какъ-то домой съ каникулъ, Гоголь уговорилъ товарищей устроить въ лицѣ домашній театръ. Сначала вмѣсто кулисъ служили классныя доски, а потомъ, когда дѣло пошло на ладъ, устроены были подмости, кулисы, занавѣсъ и костюмы. Разыгрывали пьесы малороссійскія, русскія и даже французскія — тогдашнихъ извѣстныхъ писателей. Самъ Гоголь превосходно представлялъ стариковъ и старухъ. Гимназическій театръ скоро вошелъ въ славу и даже считался лучше городского. На представленія съ удовольствіемъ собиралось все начальство и горожане.